

Н. Е. НОСОВ

РУССКИЙ ГОРОД И РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО В XVI СТОЛЕТИИ

(К постановке вопроса)

XVI век — период переломный и противоречивый. С одной стороны, это годы бурного развития раннебуржуазных связей в Западной Европе, с другой — время усиления, особенно с середины XVI в., феодальной реакции и утверждения в большинстве стран Восточной Европы крепостничества. Определить место и значение русского города в этом общеевропейском, но далеко не однозначном и тем более не прямолинейном процессе и является одной из главных задач настоящей статьи.

В мои намерения не входит общий обзор новейших трудов по истории русского города XVI в., они в той или иной степени уже освещались Л. В. Черепниным и А. Л. Хорошкевич в специальных историографических обзорах по истории русского феодализма.¹ Наша цель иная — наметить некоторые новые пути в изучении русского города феодального периода в свете той большой дискуссии, которая сейчас ведется в советской и зарубежной научной печати по вопросу о «кризисе» феодализма и зарождении капитализма в Европе. Хочется только еще раз подчеркнуть (и именно в начале статьи — при постановке темы), что история русского города XVI в. в целом значительно слабее изучена в советской историографии, не только чем история города XVII в. (это было бы в какой-то мере понятно, хотя бы в силу причин источниковедческих), но даже XIV—XV вв., от которых вообще (в отличие от XVI—XVII вв.) почти не дошло ни писцовых книг,

¹ Л. В. Черепнин. 50 лет советской науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России. История СССР, 1967, № 6; А. Л. Хорошкевич. 1) Русский город XI—XVII вв. в современной буржуазной науке. Сб. «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962; 2) Основные итоги изучения русских городов XI—первой половины XVII в. Сб. «Города феодальной России». М., 1966.

ни массового актового материала. Во всяком случае из крупных работ советских ученых по истории русского города XVI в. можно назвать лишь известные исследования П. П. Смирнова по истории «посадского строения» в Московской Руси (со времени Ивана III и вплоть до середины XVII в.), С. В. Бахрушина и М. Н. Тихомирова по истории городского ремесла, торговли и промышленности России XVI в. и особенно истории Москвы, А. П. Пронштейна и Н. Н. Масленниковой по истории Новгорода и Пскова и К. Н. Сербиной по истории Тихвина.² Что касается археологических раскопок русских городов XVI в., которые весьма интенсивно проводятся советскими археологами в послевоенный период, особенно в Москве, Новгороде и Пскове, то извлеченный ими материал по истории городской культуры, ремесла, быта и крепостного строительства пока еще недостаточно подключен к общен историческим работам по истории русского города XVI в.³ Его всесторонний анализ и обобщение с показаниями письменных источников — очередная задача советских историков-урбанистов.

Сложившееся положение в какой-то мере отражает широко распространенную в современной историографии точку зрения на Россию XVI в. как страну преимущественно «деревенскую», в судьбах которой доминирующую роль играла аграрная история.⁴ Мнение, действительно имеющее основания, но нуждаю-

² П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I. М.—Л., 1947; История Москвы, т. I. 1952 (разделы по социально-экономической и политической истории города в XVI в. написаны С. В. Бахрушиным); С. В. Бахрушин. 1) Население Москвы в XVI в. Изв. АН СССР, 1947, № 3; 2) Москва Ивана Грозного. Вестн. МГУ, 1947, № 9; 3) Классовая борьба в русских городах XVI—начала XVII в. Уч. зап. МГУ, вып. 156, 1952; 4) Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—начала XVII в. Научные труды, т. I. М., 1952; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962 (в книге дается описание большинства городов России XVI в., особенно интересный материал приводится о Москве); А. П. Пронштейн. 1) Организация новгородского ремесла в XVI в. Истор. записки, т. 36, 1951; 2) Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957; Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. Из других наиболее значительных работ, касающихся истории русского города XVI в., следует назвать известную монографию К. Н. Сербиной «Очерки по социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVII вв.» (М.—Л., 1951). Большой научный интерес представляет изданный Институтом истории АН СССР специальный сборник статей «Город феодальной России» (М., 1966), который содержит ряд исследований, непосредственно касающихся изучения русских городов XVI в.: статьи К. Н. Сербиной, П. А. Колесникова, Ю. М. Гроссмана, Е. Д. Исаевич, В. Ф. Инкина.

³ Мы имеем в виду, в частности, археологические раскопки и исследования А. В. Ардиховского, М. Г. Рабинович, П. А. Раппопорта, В. Л. Янина.

⁴ В свое время Н. А. Рожков, развивая взгляды большинства исследователей русского средневековья, господствовавшие в русской науке

щееся, как нам кажется, в существенных ограничениях. В равной степени нуждается в уточнении и вопрос об особенностях исторического развития русского города в различных районах России, без чего весьма трудно понять те общие социально-экономические и политические процессы, которые происходят в жизни ее городского общества в XVI в. и которые в значительной степени были унаследованы от периода феодальной раздробленности.

Так, почти все исследователи русских средневековых городов всегда обращали внимание на существенные отличия в судьбах новгородского и московского города. Указывалось и на то, что именно в истории Новгорода XIV—XV вв. наиболее отчетливо проявились унаследованные еще от киевской поры черты древнерусского города, не порушенные монгольскими завоеваниями XIII в. и поэтому уцелевшие и развившиеся в основном лишь на Северо-Западе Руси. Мы имеем в виду вечевого строй и породивший его ярко выраженный боярско-купеческий облик крупнейших городов этого края — Новгорода и Пскова.⁵

XIX—начала XX в., прямо писал, что «население городов» феодальной средневековой России «по существу не отличалось от сельского, занималось в главной своей массе также земледелием и было вообще малочисленно» (Н. А. Рожков. Город и деревня в русской истории. М., 1920, стр. 36). Такого же мнения придерживался и известный русский историк-экономист И. М. Кулишер, который еще в 1924 г. указывал, что в русских городах XVI—XVII вв. основную роль играло сельское хозяйство и только укрепления превращали деревни в города (И. М. Кулишер. Из истории промышленного труда в Московском государстве 16—17 ст. Труд в России, т. 2. Л., 1924, стр. 73—92). Эта точка зрения на русский феодальный город XV—XVII вв. широко распространена и в современной буржуазной науке (подробнее об этом см. в статье А. Л. Хорошкевич «Русский город XI—XVII вв. в современной буржуазной науке»). Марксистская советская историография в значительной степени пересмотрела этот вопрос (особенно много сделал в этом отношении С. В. Бахрушин). Но и сейчас ряд советских исследователей (например, П. П. Смирнов, А. М. Сахаров, В. К. Яценский) указывают не только на экономическую слабость русских феодальных городов, но и на их преимущественно вотчинный характер, их резко выраженную (по сравнению с западноевропейскими городами) аграризацию. Преимущественно именно в этом плане и истолковывают указанные исследователи факты близкого социального и экономического сходства на Руси XVI в. сельских и городских торгово-ремесленных поселений. Естественно, что подобная трактовка экономической природы и степени развития русского города является для многих исследователей основанием для определения роли купечества и горожан в жизни России XVI в. как второстепенной и сравнительно незначительной. Далее мы попытаемся показать, что это было в XVI в. не вполне так, по крайней мере до хозяйственного кризиса 60—70-х годов, когда действительно наблюдается общий упадок почти всех русских городов.

⁵ Подробнее об этом см.: А. В. Арциховский. Новгород Великий в XI—XV вв. Вопросы истории, 1960, № 9; В. И. Берпадецкий. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961; Б. Б. Кафенгауз. 1) Посадники и боярский совет в древнем Пскове. Истор. записки, т. 33, 1950; 2) Вече в древнем Пскове. История СССР, 1966, № 6; 3) Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1969; В. Л. Янин.

Иной город предстает перед нами на территории Московской Руси XV в. По существу вплоть до XVI в. здесь, кроме немногих действительно крупных и богатых городов, преобладали сравнительно небольшие, но зато сильно укрепленные города-крепости, в большинстве являвшиеся военно-политическими центрами бывших удельных княжеств. Торгово-ремесленное население таких городов было, как правило, невелико (лишь немногие города имели более тысячи дворов), и уже само их название «посажане» говорит о его вотчинном происхождении. Это были в большинстве княжеские ипомещенцы из числа окрестных торговых мужиков и ремесленников, а также городские «слобожане» местных феодалов и монастырей. Подобного рода феодальные города доминировали в Замосковном крае и особенно в южных и юго-западных районах страны. Иная картина лишь в Поморье.

Правда, уже в середине XV в., в связи с общим и весьма быстрым экономическим подъемом, который имеет место в большинстве районов России этого периода, особенно заметен широкий приток в города нового торгово-ремесленного населения. В основном это были выходцы из черных волостей, но немало было среди богатых горожан (промышленников и купцов) и бывших «своеземцев» — переселяющихся в города мелких вотчинников (полуфеодалов-полукрестьян). Интенсивно идет и процесс образования новых торгово-ремесленных поселений городского типа, особенно в Замосковном крае и Новгородской земле. Только за вторую половину XV — начало XVI в. П. П. Смирновым зарегистрировано более 40 таких новых городских поселений. Меняется и правовое положение города. Большинство городов отбирается от бывших удельных князей (весьма решительно действовал в этом отношении Иван III) и превращается в государевы посады.⁶

Но в целом развитие городов еще сильно отставало от экономических и политических потребностей страны. Слишком медленно изживаемые княжеско-вотчинные черты русского города тормозили его развитие, лишали его тех преимуществ, которые имел город на Западе. Да и вообще в литературе уже обраща-

1) Новгородские посадники. М., 1962; 2) Проблемы социальной организации Новгородской республики. История СССР, 1970, № 1. Указанные особенности нашли свое отражение и в культуре Новгорода и Пскова XIV—XV вв., которая имеет существенные особенности по сравнению с культурой средневекового города Московской Руси (Д. С. Лихачев. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Л., 1945; И. Г. Порфиридов. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.—Л., 1947; Н. В. Воронин. Древнерусские города. М.—Л., 1945).

⁶ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, стр. 15—95; Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 329—372, 412—444; А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков.

лось внимание (наглядно это показано в исследованиях П. П. Смирнова⁷) на близость горожан XV в. как в социальном, так и в правовом отношении к крестьянскому населению окрестных торгово-ремесленных сел, рядков и торжков, весьма быстро развивающихся именно в этот период. Но если в районах феодального землевладения над городом довлел вотчинный строй, который буквально опутывал горожан сетью феодальных иммунитетов и привилегий, то в районах чернососного землевладения, наоборот, городские порядки мало чем отличались от строя черной волости. А отсюда и образование городских сословий в общенациональном масштабе протекало в России значительно медленнее, чем в таких крупных европейских государствах, как Франция, Англия и даже Испания. Конечно, помимо названных, были и иные, более общие причины: изолированность России от западноевропейской торговли, ее известная внутренняя экономическая и культурная замкнутость, а главное — раскинутость русских городов по огромной и далеко еще не везде достаточно населенной, кроме разве Замосковского края, и зачастую лишь колонизируемой территории. Сказывались и бесчисленные набеги на русские города татар, особенно Крымского и Казанского ханств, которые приводили к массовому разорению и истреблению городского населения.

Сказанным в какой-то мере определяется и специфика развития русского города в XVI в. Но появились новые и очень существенные моменты. Мы имеем в виду зарождение в русском городе, так же как это имело место (хотя и несколько ранее) в передовых европейских странах, например в Англии, Франции, Нидерландах, в меньшей степени в Германии, ростков новых буржуазных связей (для Италии это был уже пройденный этап — раннебуржуазные отношения в ее городах явственно выступают еще в XIV в.). С конца XV в. этот процесс в какой-то степени охватывает наиболее экономически развитые районы России, например замосковские и даже поморские города, хотя и проявляется в них далеко не равномерно. Особенно заметен этот процесс в развитии крупнейших русских городов, в первую очередь Москвы.

Дело в том, что уже в XV в. политическое объединение русских земель под властью великих московских князей и образование централизованного государства приводят к собиранию в Москве, как столице объединенной Великороссии, не только основных сил феодального класса, бояр и дворянства, но и огромных торговых капиталов, а также самого торгово-ремеслен-

⁷ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, стр. 66—103. На экономические и политические связи удельных городов XIV—XV вв. с феодальной вотчиной указывает в своей монографии и А. М. Сахаров.

ного населения в лице именитого купечества, торговых людей и ремесленников. Если же к этому добавить стремление великих московских князей, начиная особенно с Ивана III, «вывить» из вновь присоединенных городов и областей наиболее богатых купцов и ремесленников и переселять их в Москву, то невольно складывается такая ситуация, что именно московский посад и номинально, и фактически как бы представляет собой зарождающееся в России третье сословие.

Об этом в какой-то мере говорят уже сами размеры Москвы, ее все возрастающий удельный вес в составе других русских городов. А судить об этом мы можем хотя бы по следующим примерам. В Москве, по сообщению имперского посла Сигизмунда Герберштейна, посетившего ее в 1517 и 1526 гг. и ссылающегося на прошедшую за шесть лет до его приезда городскую перепись, было 41 500 дворов.⁸ Думаем, что эта цифра близка к истине, поскольку во время московского пожара 1547 г., когда, по сведениям русских летописей, была уничтожена чуть ли не половина Москвы, в городе сгорело более 25 тыс. дворов.⁹

⁸ Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, стр. 455—457. С. В. Бахрушин считает сведения Герберштейна завышенными (по его мнению, они расходятся с известиями конца XVI в.) и просто ограничивается предположением, что в Москве было около 100 тыс. населения. Доказательства автора представляются нам неубедительными (С. В. Бахрушин. Население Москвы в XVI в. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 3, 1947).

⁹ Так, в Кратком Новгородском Летописце (по списку Н. К. Никольского) указывается, что во время «великого» московского пожара 21 июня 1547 г. в Москве «згоре же всех дворов числом в граде и в посаде пол третьяцать тысяч (25 000, — Н. Н.), белых и черных, а церквей деревянных згоре пол третьяста (250, — Н. Н.)» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, 2-е изд. Л., 1929, стр. 620). Эти летописные данные не были использованы ни самим С. В. Бахрушиным, ни другими авторами истории Москвы при подсчете ее населения в начале и середине XVI в. (История Москвы, т. I, стр. 178). Впервые на эти летописные данные при изучении восстания 1547 г. обратил внимание И. И. Смирнов при работе над монографией «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века» (М.—Л., 1958, стр. 124). Нам представляется, что сведения Новгородской летописи заслуживают доверия. Косвенным доказательством этого может служить хотя бы сопоставление сведений о числе сгоревших в 1547 г. московских деревянных церквей (250) с материалами Стоглавого собора, а именно царской грамотой 17 февраля 1551 г. об избрании московских церковных старост, в которой указывается, что всего в Москве в это время было 644 церкви. (Д. Стефанович. О Стоглаве. Его происхождение, редакция и состав. СПб., 1909, стр. 85—86). Следовательно, в 1547 г. на самом деле сгорела почти половина городских деревянных церквей, а находились они, надо думать, в различных частях Москвы. Очень вероятно, что указанное соотношение в известной мере отражает общие размеры сгоревшей городской территории, которая, видимо, была действительно огромна — город имел около 50 тыс. дворов. Ведь не случайно в Никоновской летописи при описании пожара 1547 г. отмечается летописцем, что именно в это время Москва стала особенно многолюдна. «Преже бо сего Москва не такова быше пародпа, — читаем мы в ле-

Если же данные Герберштейна более или менее реальны, то, следовательно, в Москве уже в середине XVI в. было около 200 тыс. жителей (исходим из посылки, что в городском доме XVI—XVII вв. в среднем жило 5—6 человек¹⁰), т. е. примерно столько же жителей, сколько насчитывалось в ней и в середине XVII в., после «великих» московских пожаров и разорений конца XVI—начала XVII в. По масштабам того времени это был огромный город, один из крупнейших в Европе. Не случайно польский ученый начала XVI в. Матвей Меховский в своем «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.), желая дать читателям представление о размерах Москвы, писал, что она вдвое больше Флоренции и Праги,¹¹ а англичанину Ченслеру, побывавшему в Москве в 1553—1554 гг., она показалась больше Лондона с предместьями, а только в Лондоне тогда было 50 тыс. жителей. Да и вообще тот же Ченслер писал, что даже окрестности Москвы (вдоль Ярославской дороги) «так полны народом, что удивительно смотреть на них».¹²

Ни в какое сравнение не шла Москва и с другими русскими городами XVI в. В Новгороде в середине XVI в. насчитывалось около 5300 дворов (примерно 25—30 тыс. жителей), несколько более в момент присоединения (в 1510 г.) было в Пскове: в псковском Застенье, на посаде, числилось 6500 дворов (около 30—35 тыс. жителей).¹³ В таких же крупных по тому времени городах, как Нижний Новгород, Коломна, Ростов, Углич, Ярославль, Владимир, Вологда, число посадских дворов обычно не превышало 1000—1500, а именно эти города наряду с Москвой, Новгородом, Псковом и Казанью Д. Флетчер называет в числе 16 крупнейших городов России XVI в.¹⁴ Остальные города были значительно меньше, достаточно сказать, что в 9 новгородских пригородах было в середине XVI в. около 7500 дворов (около 38 тыс. жителей), а в 14 псковских пригородах немногим более 1700 дворов «черных посадских людей» (около 8 тыс. жите-

топся, — якоже ныне народом умножися в лета благовернаго царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси» (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 154).

¹⁰ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. М., 1899, стр. 157; С. К. Богословский. Некоторые статистические данные по истории русского города XVII в. Древности, т. I, вып. 3. М., 1899, стр. 382—383 и сл.

¹¹ М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, стр. 113.

¹² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937, стр. 56.

¹³ А. И. Копанев. Население Русского государства в XVI в. Истор. запiski, т. 64, 1959.

¹⁴ «Главные города в России», по сообщению Флетчера, Москва, Новгород, Ростов, Владимир, Псков, Смоленск, Ярославль, Переяславль, Нижний Новгород, Вологда, Углич, Холмогоры, Казань, Астрахань, Каргополь, Коломна (О государстве русском. Сочинение Флетчера. СПб., 1905, стр. 16).

лей).¹⁵ Во многих же бывших вотчинных «городках», а также в порубежных крепостях число посадских дворов вообще не превышало нескольких десятков. Именно такие средние и малые города преобладали среди тех примерно 160 городов, которые зарегистрированы исследователями в России середины XVI в. (имеем в виду данные А. А. Зимина).¹⁶ Если даже принять, что в среднем на каждый город, не считая Москвы, Новгорода и Пскова, приходилось по 200—300 посадских дворов (но и это будет скорее завышением), то и тогда на долю Москвы середины XVI в. придется более одной трети всего городского населения страны. И это в период столь интенсивного роста населения страны и особенно городов. Всего, по подсчетам А. И. Копанева, в середине XVI в. население России достигало 9—10 млн человек. На долю же горожан приходилось примерно 5%, за исключением Северо-Западной Руси (Новгородско-Псковские земли), где этот процент был значительно выше — 9—10.¹⁷

Еще большее значение имело то, что Москва XVI в. была не только огромным городом и столицей объединенного Русского государства, местом пребывания всех правительственных учреждений и великокняжеского двора, но и крупнейшим торговым и промышленным центром России.¹⁸ В своей основе промышленность Москвы носила еще ремесленный характер, но по масштабам была очень значительна. Достаточно сказать, что почти весь московский посад состоял из многочисленных и богатых ремесленных кварталов — сотен и слобод, населенных ремесленниками самых различных специальностей (по подсчетам советских исследователей, их было более 200, а качество их изделий, как показывают археологические данные, очень высокое).¹⁹ Тут же

¹⁵ А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI в. «Сб. исторического общества при СПб. университете», т. IX. СПб., 1897, стр. 138.

¹⁶ А. А. Зимин. Состав русских городов XVI в. Истор. записки, т. 52, 1955.

¹⁷ А. И. Копанев. Население Русского государства в XVI в.; ср.: Аграрная история Северо-Запада Руси. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971, стр. 321—327.

¹⁸ Подробную характеристику Москвы как крупнейшего торгового и ремесленного центра страны XVI в. дает С. В. Бахрушин (Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—начала XVII в., очерк V — «Москва как ремесленный и торговый центр XVI в.»).

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; Материалы и исследования по археологии Москвы, т. I. М.—Л., 1947; т. II, М.—Л., 1949; Здесь помещен ряд археологических исследований, непосредственно посвященных московскому ремеслу XV—XVI вв. (статьи М. Г. Рабинович, В. А. Мальм и др.). О московских литейщиках XVI в. интересные данные приводит М. И. Рубцов в статье «Московские литейщики XIV—XVII вв.» (Вестник машиностроения, 1947, № 11). Хотелось указать и на небольшую, но весьма любопытную для характеристики московского городского ре-

располагались и лавки ремесленников, а также дворы купечества и иных торговых людей. Главный московский торг издавна был сосредоточен на Великом посаде, в районе Красной площади.

Московские черные люди — посажане — в тяглом и судебно-административном отношении делились на сотни (=концы и улицы), которые, по мнению ряда советских исследователей (например, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, В. В. Стоклицкой-Терешкевич), были в таких крупнейших городах, как Москва, Новгород, Псков, одновременно (во всяком случае часть из них) и профессиональными поселениями типа западноевропейских городских ремесленных цехов: имели свои корпоративные права, общие торговые ряды и свои выборные власти — старост и сотских. Но в силу уже отмечавшейся специфики русского города — его княжеско-вотчинного характера — даже московские ремесленные сотни находились в непосредственной и крайне жесткой зависимости от великокняжеских властей, да и обслуживали многие из них в первую очередь потребности двора и казны, были приписаны к ним. В этом отношении, как справедливо отмечает В. В. Стоклицкая-Терешкевич, московские сотни существенно отличались от цехов итальянских городских коммун или ганзейских городов. Тут скорее аналогия с парижскими цехами, подчиненными королевской власти, а может быть, и городскими цехами Венеции, находящимися в прямом подчинении у венецианского правительства.²⁰ Правда, и эта аналогия очень условна, поскольку в Москве XV—XVI вв. цеховой строй (равно, как и иные подобные ему городские и ремесленные корпорации) не получил достаточного развития и определенности. Во всяком случае никаких цеховых уставов (слободских и уличанских) или иных источников городского права, оформляющих автономию, правопорядок и жизнь московских черных сотен, пока не найдено. Всего вероятнее, что в Москве, как и

месла статью М. Г. Рабинович «О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой. Погребение московского ремесленника XVI в.» (Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. 5, № 4, 1948).

²⁰ В. В. Стоклицкая-Терешкевич. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси. Сб. «Средние века», вып. III, 1951. Здесь же приводятся данные и об основных работах по изучению ремесленных городских организаций в России XIV—XVII вв. Укажем лишь наиболее значительные из них: М. Н. Тихомиров. О купеческих и ремесленных объединениях в древней Руси (XI—XV века). Вопросы истории, 1945, № 1; А. П. Пронштейн. Организация новгородского ремесла в XVI в. Истор. записки, т. 36, 1951; А. М. Сахаров. Ремесленное производство в городах Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. Вопросы истории, 1955, № 4; Г. С. Рабинович. Ремесло и товарное производство в Новгороде в XVI в. Уч. зап. Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. 131, 1957; Л. В. Черепнин. О формах объединений ремесленников в русских городах XIV—XV вв. Сб. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961.

в Новгороде, а тем более в провинциальных городах, действовало обычное земское право: круговая порука и распределение государева тягла внутри городских сотен «по животам» (т. е. имуществу) и «промыслам». Иначе говоря, городской строй даже Москвы в какой-то мере напоминал строй волостной, деревенский, хотя отличался от последнего более резкой дифференциацией государственных (княжеских), общинных (земских) и частноправовых институтов. Что касается ремесленных и промысловых артелей (по русской терминологии «складничества» или «товарищества»), наиболее распространенных на Руси, особенно начиная с XV в., форм производственных корпораций и промышленного предпринимательства, то именно они-то и разрушали в конечном счете подобный правительственный порядок и регламентацию, явно тормозившие свободное предпринимательство и развитие производительных сил в области городской торговли и ремесла. И все же даже в Москве частное предпринимательство и капиталы в сфере промышленности и ремесла были еще настолько слабы, что первые московские городские мануфактуры, высшие по сравнению с ремесленными артелями формы промышленной деятельности, возникают, как это ясно показывают исследования С. В. Бахрушина, первоначально лишь на базе великокняжеской казны и для ее нужд. Одной из первых таких казенных мануфактур был созданный в Москве при Иване III Пушечный двор, достигший в XVI в. весьма значительных размеров. На нем отливали не только пушки, но и колокола, в основном по заказам церковных учреждений и далеко не только Москвы. На Пушечном дворе работали почти исключительно казенные ремесленники. Позднее в Москве возникают и другие крупные казенные предприятия, например Серебряная палата (в 1556 г. для нее были специально переведены в Москву новгородские серебряники). А при Иване Грозном под Москвой была заведена бумажная мельница. Вообще число казенных ремесленников, особенно каменщиков, плотников и других строительных рабочих, а также оружейников, было в Москве весьма велико.²¹

Что касается крупного московского купеческого капитала, то в XV—XVI вв. он находил свое применение главным образом в торговле, равно как во внутренней, так и внешней. Широко было распространено среди московского купечества «скупиничество». Купцы-скупщики (обычно это были целые торговые компании — «товарищества») ворочали иногда огромными капиталами, доходившими нередко до 100 тыс. и более рублей (около 1 млн руб. золотом по курсу начала XX в.), в их руках и были

²¹ М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. М., 1910; История Москвы, т. I, стр. 133—154; С. В. Бахрушин. Москва как ремесленный и торговый центр XVI в., стр. 157—187.

сосредоточены основные пути внешней торговли. На внутреннем рынке положение было иным (здесь господствовали купцы и промышленники значительно беднее), но и тут доля столичного купечества в общероссийской торговле была очень велика. С. В. Бахрушин совершенно прав, когда указывает, что в складывающихся уже с XVI в. предпосылках образования всероссийского рынка московское купечество занимало первое место.²²

Наиболее крупное московское купечество, как известно, издавна образовывало две гильдии: «гостей-сурожан» и «суконников». Первые объединяли купцов, ведущих торговлю с Востоком (преимущественно через Сурож), а вторые — главным образом с Литвой, Польшей, Ливонией и другими западными соседями России. Основной костяк «московских гостей» составляли многочисленные купеческие фамилии. Наиболее богаты были «гости-сурожане». Среди них и наибольшее число купеческих родов, весьма близко связанных с великими московскими князьями, являвшимися как бы постоянными «поставщиками двора». Многие из них роднились с московским боярством, а в XVI в. нередко и сами становились феодалами.²³ Правда, этот процесс все же не был определяющим для истории крупного московского купечества XV—XVI вв., как это иногда подчеркивается в историографии (особенно исследователями, отрицающими развитие буржуазных тенденций в русской экономике этого времени), да и отражал он не только эволюцию купечества, но и обратный процесс — стремление самой придворной знати приобщиться к купеческому капиталу. Пример успешной торговой и предпринимательской деятельности новгородского боярства не мог не прельщать московских бояр.

Из наиболее крупных «гостей-сурожан» конца XV—начала XVI в. можно назвать хотя бы такие фамилии, как Всеяковы, Саларевы, Шиховы. К их числу принадлежали и Ховрины-Головины, в прошлом богатейшие московские «гости», ставшие при Иване III боярами и казначеями (как бы потомственными министрами финансов великокняжеского двора). Но еще более активно вливались представители московского купечества в ряды дьячества, новой великокняжеской бюрократии, роль которой в управлении государством столь сильно возрастает при Василии III и Иване Грозном.

²² С. В. Бахрушин. Москва как ремесленный и торговый центр XVI в.

²³ Исключительно интересный материал о положении высшего московского купечества в конце XV в. приводится в исследовании В. Е. Сыроечковского «Гости-сурожане» (М.—Л., 1935). Ср.: В. Н. Кашин. Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Памятники социально-экономической истории России. Л., 1926; М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956.

Если в среде именитого столичного купечества заметна тенденция к слиянию с феодальной знатью, то среди широких слоев московских торговых людей все явственнее выступают явления уже иного порядка. Во-первых, по мере все усиливающегося (особенно с конца XV в.) прилива в Москву провинциального купечества существенно меняется состав московских торговых людей, которые теперь представляют не только столичную, но и иногороднюю «торговую Русь», во-вторых, — и это главное — меняется характер и сфера приложения самих купеческих капиталов. Именитое купечество вращалось главным образом в сфере внешней торговли, средние же слои московского и провинциального купечества стремятся максимально укрепиться на внутреннем рынке и не только укрепиться, но и подчинить себе, прибрать к рукам московскую и провинциальную промышленность и ремесло. Однако именно эти новые экономические тенденции — все более активизирующаяся деятельность широких слоев купечества не только в области торговли, но и самого местного торгово-ремесленного и промышленного производства — явно не вязались с сугубо феодальными методами политической централизации, проводимой великими московскими князьями. Мы имеем в виду искусственную концентрацию в Москве иногороднего купечества и торговых людей в целях превращения их в наиболее «доходных» слуг московского правительства. Какие последствия имела подобная «торговая» и «городовая» политика московских властей, мы увидим позднее, пока же попытаемся посмотреть, как же она выглядела на практике.

И опять начнем с Новгорода. Дело в том, что после окончательной ликвидации в 1477 г. независимости Новгорода и включения в состав великого княжения новгородских земель Иван III не только ликвидирует здесь все новгородские боярицины и «сводит» самих бояр в другие города (на новгородских землях помещаются московские бояре и московские дворяне), но и предельно такую же хирургическую операцию с новгородским купечеством (преимущественно его верхушкой), которое тоже было «сведено» в Москву (в большинстве), а также «в иные многие города».

Подобное переселение явно ослабило крупное новгородское купечество, разрушив его исконные связи и с внешним рынком, и с новгородским посадом, и тем более новгородской периферией, на которой оно обычно создавало свои капиталы и которую оно вместе с боярством столь нещадно эксплуатировало. Но зато именно последнее — ликвидация зависимости средних слоев торговых и ремесленных людей как самого Новгорода, так и особенно городов его поморской периферии от засилья новгородской боярско-купеческой знати — способствовало расширению их торгово-предпринимательской деятельности. И это одна из главных причин быстрого экономического развития (на базе уже

новых буржуазных тенденций!) широких слоев новгородского купечества и посажал в начале и середине XVI в. Что же касается переведенных в Новгород московских купцов, среди которых были и «гости-сурожапе», например Саларевы, Боровитиновы, Таракаповы (Василий Никитич Таракапов был при Василии III даже новгородским «купецким старостой»), и менее известные, по той же весьма тароватые московские купцы, скажем, Сырковы или Паптелеевы, то они далеко не все прижились в Новгороде. И даже более, после знаменитых опричных казней и погромов 70-х годов XVI в., когда Новгородский посад подвергся столь страшному разорению (вот здесь-то и пришел конец временному преуспеванию «средних» и «молодых» торговых людей новгородского посада), эти бывшие московские новгородцы («введенцы») в большинстве снова были взяты Иваном Грозным назад в Москву или разосланы по другим городам, например в Казань или Вологду.²⁴ Естественно, что, кроме «порухи», подобные переселения ничего не дали московскому купечеству. Но, пожалуй, кроме испомещений московских купцов во Псков (в 1540 г.), правда, они были значительно меньше (сперва 15 москвичей, а потом 120 «других людей и москвич»), это единственный случай, когда крупное московское купечество в столь большом количестве переселилось в иные города. Обычно же московская «торговая политика», как это убедительно показано С. В. Бахрушиным, носила диаметрально противоположный характер: местные купцы, а нередко даже ремесленники (целые слободы) «выводились» из присоединенных городов и зачислялись в московские городские сотни.²⁵ Так было с Тверью, наиболее богатое купечество которой было переведено в конце XV в. в Москву, а также Псковом и Смоленском. Свод псковских купцов начался сразу же после присоединения в 1540 г. Пскова к Москве.²⁶ В Москве псковские сведенцы образовали особый квартал «Псковичи» в районе Сретеньки. Василий III, как сообщает летопись, «подавал им дворы... всю улицу дал за Устретеньем, а не променял с ними ни одного москвитина». Не меньшее переселение псковских торговых людей было проведено Иваном Грозным в годы опричины, в 1569 г., когда он «свел» в Москву из Пскова 500 торговых

²⁴ О размере этих переселений можно судить хотя бы по тому, что в 1569 г. в Москву было взято 145 семей новгородских торговых людей и 5 семей бывших москвичей, а в 1571 г. «гостей введенных» из земской половины Новгорода — 40 семей и из опричной — 60 семей. (История Москвы, т. I, стр. 151). Подробнее о судьбе «московских введенцев» в Новгороде в XV—XVI вв. см. в исследовании В. Е. Сыроечковского «Гости-сурожапе» (стр. 111—118).

²⁵ Здесь и далее мы используем материал главным образом из исследования С. В. Бахрушина о Москве как ремесленном и торговом центре XVI в.

²⁶ ПЛ, вып. I. М.—Л., 1941, стр. 97 и сл.; вып. II. М.—Л., 1955, стр. 257—258.

людей, среди них многих очень богатых купцов. На этот раз селились псковские переведенцы, как и новгородские (большая группа последних также попала в Москву в годы опричнины), преимущественно в Замоскворечье.²⁷

Очень важное значение имел и перевод в Москву в 1514 г. почти всех наиболее богатых смоленских купцов. Но вот этот «вывод», в отличие от опричных переселений, оправдал себя. Смоляне явно выиграла. Они образовали особый разряд купцов-«смолянян», занимавших второе место после «гостей» и, видимо, державших в своих руках основные пути московской торговли с Западной Русью, Литвой и Польшей (через Смоленск). Многие из них ворочали тысячными капиталами. Среди последних Дмитровская таможенная грамота 1549 г. выделяет Тишу Смывалова и Федьку Кадигробова «с товарищи» (как говорится, целую торговую компанию), которых она прямо называет «сведенцами смолянями» и «папами московскими».²⁸ На Земском соборе 1566 г. купцы-смоляне выступали как особая гильдия и в соборном приговоре поименованы сразу за московскими «гостями».²⁹

В годы опричнины свод провинциального купечества и промышленников в Москву проводится Иваном Грозным особенно широко. Помимо Новгорода и Пскова (о которых мы уже говорили), наиболее значительные группы торговых людей были переселены в Москву в этот период из Владимира, Вологды, Вязьмы, Нижнего Новгорода, Ярославля и многих других, преимущественно волжских, городов. Массовый характер во второй половине XVI в. приобрели подобные переселения, как отмечают С. Ф. Платонов, М. М. Богословский, С. В. Рождественский, А. А. Введенский и особенно С. В. Бахрушин, и в городах Поморья и Приуралья, районах богатейших пушных, рыбных и соляных промыслов — основной промысловой базы русской внутренней и внешней торговли. Правда, здесь записывались в московские «гостинные сотни» не только городские торговые люди, но и наиболее богатые крестьяне-промышленники Каргопольских, Устюжских, Двинских, Сольвычегодских, Пермских и им соседних земель.³⁰ Только знаменитые Строгановы добились от

²⁷ История Москвы, т. I, стр. 151 и сл.

²⁸ С. В. Бахрушин. Москва как ремесленный и торговый центр XVI в., стр. 162—163.

²⁹ В. О. Ключевский. Состав представительства на земских соборах древней Руси. Опыты и исследования. 1-й сборник статей. М., 1912, стр. 464—465; История Москвы, т. I, стр. 151—152.

³⁰ Подробнее см.: С. В. Бахрушин. 1) Москва как ремесленный и торговый центр XVI в., стр. 163—165 и сл.; 2) Торговые крестьяне в XVII в. Научные труды, т. II. М., 1954. Характеризуя этот процесс применительно к XVI—началу XVII в., С. В. Рождественский прямо писал, что «в Поморье происходило выделение в гостиную московскую службу местных промышленников и торговцев, именно в Устюжском, Соль-Выче-

правительства, хотя и числились в московских «именитых людях», права по-прежнему жить в Сольвычегодске при своих гигантских соляных промыслах и иных промысловых и торговых факториях. И, видимо, в этом была одна из причин их «великого» преуспеяния в течение всего XVI в.³¹ В отношении же многих других поморских москвичей положение было иное. Переселение в Москву далеко не всегда приводило к их обогащению.

Но факт оставался фактом. Даже сотенная организация московского посада конца XVI в. явно носит на себе следы «собрания» торгово-промышленных людей по многим городам России. По данным русских и иностранных источников (имеем в виду записки Джильса Флетчера), посадское население Москвы образовывало, не считая слобод, 8 сотен: Дмитровскую, Мясницкую, Новгородскую, Ордынскую, Покровскую, Ржевскую, Ростовскую и Сретенскую; 3 полусотни: Устюжскую, Кожевницкую и Прибыдную; 3 четверти сотен: Арбатскую, Митрополью и Чертопольскую. Как мы видим, ряд сотен прямо носит название тех городов, с которыми было связано их население. Кроме того, надо иметь в виду, что та же Сретенская сотня состояла в основном из исковских «сведенцев», а Устюжская объединяла представителей всех поморских городов. Что касается многочисленных московских слобод (в прошлом казенных или владельческих, но с середины XVI в. уже, как правило, черных), то они преимущественно исконно московского происхождения. Весьма значительные изменения претерпело во второй половине XVI в. и высшее московское купечество. Образуются два новых наиболее привилегированных купеческих объединения — Гостиная и Суконная

годском, Тотемском районах, в узловых пунктах главных торговых путей». И далее, развивая свою мысль, он специально отмечает: «Также поморские землевладельцы и промышленники XVII в., как Панкратьевы и Филатьевы в Яренском уезде или Грудцыны в Тотемском, — те же Строгановы, меньшего только калибра. Но они не были уже колонизаторами и устроителями новой окраины и не выполняли политических функций, присущих крупному землевладению на окраинах (С. В. Рождественский имеет в виду новгородское боярство, — *Н. Н.*). Московская власть уже без труда вырвала поморских капиталистов из их сельскохозяйственных гнезд и втягивала их в общий оборот принудительной службы, заставляя переселяться в Москву, „чтоб им, торговым людям, по выбору в службу быть готовым тотчас“» (С. В. Рождественский. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XV веков, ч. II. Изв. АН СССР, отд. гуманитарных наук, 1929, № 2, стр. 153).

³¹ А. А. Введенский. 1) Происхождение Строгановых. Север (Вологда), 1923, кн. II; 2) Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве. Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Иб., 1922; 3) Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924; 4) Значение Вологды как крупного торгово-промышленного центра на Севере и роль Строгановых в Вологде в XVI—XVII веках. Север (Вологда), 1928, № 7—8; 5) Строгановы в Казани в XVI—XVII вв. Труды исторического факультета Киевского гос. университета, т. I, 1940; 6) Крестьяне Строгановы в XVI—XIX вв. Труды Тбилисского университета, т. I, 1931.

сотни (в состав первой входят многие бывшие «сурожане»). Вливается в эти сотни и большинство московских «смолян». ³²

Обычно принято характеризовать этот процесс как стремление Русского централизованного государства укрепить свой экономический базис: сделать Москву не только политическим, но и экономическим центром русской феодальной монархии. Это положение наиболее отчетливо было сформулировано еще С. В. Бахрушиным в его известных исследованиях о хозяйственной жизни Москвы середины и второй половины XVI в. ³³ Подобная оценка политических целей московской политики в принципе не вызывает возражений. Но нас сейчас интересует другой вопрос. Какое влияние оказывала консолидация местного (провинциального) купеческого капитала в Москве на пути и формы развития городской экономики России в целом? Ясно, что путем подобной «городовой политики» великокняжеская власть, особенно Иван IV, стремилась укрепить свое экономическое положение, максимально использовать купеческий капитал для удовлетворения нужд и потребностей казны, а через них обеспечить и подчинение складывающемуся в России самодержавно-крепостническому строю всего сословия русского купечества — московского и иных городов. Но означает ли это, что в плане широкой экономической перспективы, особенно в период зарождения в русском городе раннебуржуазных связей (а следовательно, и появления тенденций к превращению и на русской почве торгового капитала в ка-

³² История Москвы, т. I, стр. 179—182.

³³ Там же, стр. 150—154. Экономические итоги этой московской торгово-ремесленной централизации для хозяйственного развития России XVI в. С. В. Бахрушин оценивает следующим образом: «Москва делается мозгом распределительным центром и слабеет всю страну не только произведениями собственных ремесленников, иконописцев, оружейников и др., но и разнообразными товарами, поступающими в нее из других русских городов и из-за границы, за которыми в столицу приезжают и торговые люди, и монастырские „купчины“ и иноземные гости. Москва стягивает в свои стены людей и капиталы. Многочисленные добровольные и недобровольные переселенцы из старых хозяйственных и культурных центров России приносят в „царствующий град“ свои знания, свой опыт, свои таланты. Объединив все лучшие технические силы русского народа, Москва сама становится руководящей силой в промышленном развитии страны. Так готовится почва для возникновения „всероссийского рынка“, который сложится постепенно вокруг Москвы — естественного хозяйственного центра страны» (С. В. Бахрушин. Москва как ремесленный и торговый центр XVI в., стр. 186—187; курсив наш, — Н. Н.). О торжестве влияния на развитие экономики России (и в том числе самой Москвы) феодальной реакции, которое столь явно проявилось в политике Ивана IV в годы опричнины и которое столь пагубно сказалось на развитии русских городов и торговли, С. В. Бахрушин ничего не говорит. Видимо, по его мнению, для России XVI в. характерен только экономический прогресс, а зарождающиеся широкие товарно-денежные связи (связи, в конечном счете несущие в себе элементы новых буржуазных отношений) преспокойно сосуществовали с крепостничеством.

питал торгово-промышленный), такая насильственная централизация купеческого капитала, а главное — столь часто порождаемый ею его отрыв от местной сырьевой и промышленной базы (С. В. Бахрушин не прав, когда утверждает, что «сведенцы всегда «сохраняли живые связи с городом, откуда были родом»)³⁴ способствовали зарождению в стране новых буржуазных отношений как более высокой по сравнению с феодализмом формы развития производительных сил русского общества. Нам представляется, что если в XIV—XV вв. — в период «собирания Руси» — подобная экономическая политика была оправдана (и даже более — способствовала консолидации экономических сил России), то в новых экономических условиях XVI в. (в условиях зарождения всероссийского рынка) это было не всегда так, и уж тем более не так, когда это проводилось «методами» опричной политики Ивана Грозного.

По нашему мнению, в условиях общего экономического подъема страны и особенно вызываемых им качественных изменений феодального хозяйства России первой половины и середины XVI в. охарактеризованная выше «городовая политика» русского самодержавия (и в этом мы решительно расходимся с С. В. Бахрушиным) не только не способствовала, но, наоборот, в угоду наиболее консервативным слоям дворян-крепостников и крупного столичного купечества тормозила развитие товарно-денежных отношений и промышленного предпринимательства в провинциальных городах, сковывала их жесткими крепостническими рамками казенной регламентации (особенно тщательно всегда и во всем охранявшей интересы столичной плутократии) и в конечном итоге затрудняла выход России на путь буржуазного развития, который был характерен для передовых стран Западной Европы XVI—XVII вв. и в котором одна из главных ролей принадлежала именно городу.

И второе: освобождение городов от засилья местных феодалов и борьба против крепостнической централизаторской политики (основными сторонниками которой были дворянство, придворная бюрократия и наиболее близкие ей круги высшего столичного купечества — «великий» триумвират и западноевропейский абсолютизм) — главные цели широких слоев поднимающегося третьего сословия как самой Москвы, так и многих иных городов и черных волостей феодальной России. Это была борьба за два пути развития России — феодально-крепостнический и буржуазный. Это была классовая борьба. А это в свою очередь обусловило и то, что по мере того как новые товарно-денежные связи охватывают все более широкие слои городского населения, особенно в провинции, все более активизируется борьба «черных посадских людей» против наиболее консервативных феодальных устоев ста-

³⁴ История Москвы, т. I, стр. 153.

рого города, за создание более благоприятных условий для его развития в рамках централизованного государства.

Этот процесс, который П. П. Смирнов пытается «теоретически» истолковать лишь как превращение старого «вотчинного» города в «государев посад»,³⁵ мы и наблюдаем в XVI в., причем идет он как бы по двум линиям: с одной стороны, по линии борьбы черных посадских людей против беломестцев за равное государственное обложение и равные права всего городского населения, особенно в области торговли и промыслов, с другой — по линии борьбы за организацию местного городского самоуправления и выборный земский (городской) суд. Иначе говоря, речь идет о праве горожан самим собирать налоги и творить суд на местах. Наиболее активно добивались этого городские «лучшие люди» — купцы и промышленники, рассчитывавшие тем самым еще больше расширить рамки своей предпринимательской деятельности и закабаления посадской бедноты. Так, уже при Василии III (1505—1533 гг.) под влиянием требований горожан было принято специальное «уложение» о городских слободах, по которому ограничивались права феодалов в городах. В крупных городах при княжеских наместниках вводится выборное городское представительство («старосты и лучшие люди»). В Новгороде такая реформа была проведена в 1518 г., видимо под влиянием жалоб новгородцев, что княжеские наместники посажан «судят сильно, а тиупы их судят по мзде» (за взятки). При Василии III начала практиковаться и система городских откупов — предоставление богатым купцам «за откуп» права сбора тамги и других торговых пошлин. Ранее эти пошлины собирались городскими наместниками в свою пользу.

Но наиболее остро вопрос о «расфеодаливании» городов и в первую очередь ликвидации в городах владельческих слобод встал на земских соборах середины века: знаменитом «соборе примирения» 1549 г. и церковно-земском соборе 1551 г. (Стоглавом соборе).³⁶

Собор 1549 г. явился следствием общего обострения классовой антифеодальной борьбы в стране в 30—40-х годах XVI в., нашедшей свое наиболее яркое проявление в «великом» восстании мо-

³⁵ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, стр. 78—85, 112—122.

³⁶ Анализ деятельности Земского собора 1549 г. см. в нашей монографии «Становление сословно-представительных учреждений в России» (М.—Л., 1969, стр. 14—52). В ней же приводятся сведения и об освещении вопроса об этом Соборе в советской историографии (проблема «собора примирения», как известно, весьма дискуссионна). Общая же характеристика реформ середины XVI в. дается в известных монографических исследованиях И. И. Смирнова «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в.» и А. А. Зимина «Реформы Ивана Грозного» (М., 1960).

сковских черных людей летом 1547 г.³⁷ На этом, по существу первом, Земском соборе (русском средневековом парламенте) наряду с вопросом об ограничении власти феодальной знати (бояр) был, видимо, поставлен вопрос и о судьбе «белых» городских слобод. Во всяком случае в составленном по его рекомендациям проекте царских реформ и новом царском Судебнике 1550 г. прямо стоит вопрос о ликвидации по городам светских «тарханов» (податных и судебных привилегий) и запрещении создавать в городах новые владельческие слободы (равно как боярские, так и церковные и монастырские). Эти постановления были подтверждены Стоглавым собором 1551 г. и явились основой «генеральной ревизии» всех монастырских жалованных (иммунитетных) грамот применительно ко всей территории страны, в первую очередь к городам. В своей совокупности эти мероприятия как бы завершили процесс освобождения города от опутывающей его сети отживающих феодально-вотчинных институтов и создали известные условия для формирования нового сословно-правового статуса горожан.³⁸

Но еще большее значение имело предоставление городам права на земское (местное) самоуправление. Оно открывало большие возможности для развития в городах новых раннекапиталистических связей.

Этот вопрос также рассматривался на Земском соборе 1549 г. Правда, реализация его на практике оказалась более сложным делом и затянулась на ряд лет. В 1551 г. на Стоглавом соборе в дополнение к царскому Судебнику 1550 г. была утверждена «земская уставная грамота» — новый кодекс местного сословно-представительного городского и волостного суда (посадского и крестьянского), а вслед за этим начался перевод провинциальных городов на откупную систему: города как бы покупали у правительства право на самоуправление путем обязанности ежегодно платить в казну особый налог — «посошный оккуп». И лишь в 1555 г., после принятия специального царского «уложения» об отмене «кормлений», иначе говоря, института наместников и волостелей, всем городам России, кроме Москвы, Новгорода, Пскова, Нижнего Новгорода, Казани (в них остались наместники), а также пограничных городов-крепостей, было предоставлено самоуправление, но тоже на базе откупной системы. Город, казалось бы, окончательно откупался от феодального государства. Это была бесспорно крупная победа поднимающегося третьего сословия, победа

³⁷ С. В. Бахрушин. Классовая борьба в русских городах XVI—начале XVII в.; И. И. Смирнов. Московское восстание 1547 г. Вопросы истории, 1953, № 12; С. О. Шмидт. О Московском восстании 1547 г. В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967.

³⁸ Здесь и далее мы излагаем основные выводы о земских реформах Ивана Грозного 50-х годов XVI в., к которым мы пришли в нашей монографии «Становление сословно-представительных учреждений в России».

горожан. Но победа, к сожалению, слишком непрочная и кратковременная. Начавшаяся Ливонская война, опричнина и вызванные ими рост государственных налогов и массовая раздача черных волостных земель в поместья приостановили этот процесс. И даже более, как бы в параллель с окончательным закрепощением владельческого (вотчинного и поместного) крестьянства начинается и своеобразное закрепощение городов. Правда, теперь уже не владельческое, а государственное. В области городского управления это находит свое выражение в сужении прав земства (городского выборного представительства) и подчинении его таким дворянским органам власти, как городские приказчики и городские воеводы, в области тягла — строжайшей приписке всех горожан в городские кадастры, ограничении прав перемещения и фискальном закабалении городских сословий, а также прикреплении крестьян к посадам.³⁹

Все это этому сопутствовали и столь усиленные войной и опричниной массовые запустения городов, преимущественно центра и северо-западных областей России, население которых только за 60—70-е годы XVI в. убывает почти в два раза. Вслед за этим наступает и вызванный иными, более общими причинами хозяйственный упадок городов многих районов страны, затянувшийся вплоть до середины XVII в. и оказавший столь пагубное влияние на развитие всего социального и политического строя России, главными столпами которого отныне становятся самодержавие и крепостничество.

Все это хорошо известно и уже достаточно широко изучено в советской историографии (мы имеем в виду труды Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, И. И. Смирнова, А. А. Зимина, А. Л. Шапиро, С. О. Шмидта, А. И. Копанева, А. Г. Манькова, Р. Г. Скрынникова, В. И. Корецкого).

Но фатально ли неизбежным был этот процесс для России? Действительно ли русский город XVI в. в плане его социально-экономического развития обязательно должен был пойти по пути консервации феодальных пережитков (пусть даже частичной и далеко не повсеместной), а не стать ослотом, как это имело место в передовых странах Запада, новых развивающихся капиталистических отношений? Иначе говоря, мы снова возвращаемся к вопросу о своеобразии русского города и о возможности применения к его изучению тех общен исторических закономерностей, которые характеризуют развитие европейских стран XV—XVI вв. в целом.

Думаем, что ответ на этот вопрос нами был уже частично дан, когда мы характеризовали историю русского города конца XV—

³⁹ По существу, как блестяще показано в исследовании А. Г. Манькова «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века» (М.—Л., 1962), все это привело уже в XVII в. к своего рода «закрепощению» посадов, особенно провинциальных городов поместно-вотчинных районов страны.

середины XVI в., прямо отмечая, что общий экономический подъем в России этого периода в конечном счете порождался теми же факторами, что и в Западной Европе: развитием товарно-денежных отношений, ростом ремесла, промышленности и торговли, а на их базе и городов, как местных торгово-ремесленных центров.

Теперь хочется перенести наши рассуждения из сферы гипотез о признании или отрицании возможности становления буржуазных отношений в русском городе XVI в., если бы в России не утвердилось крепостничество (ведь никто и никогда еще не доказал, что это фатально неизбежный фактор русской истории), в область уже конкретно-исторического исследования.

Дело в том, что Россия XVI в. и в географическом, и в социально-экономическом плане распадалась как бы на две части: 1) западные и центральные русские земли, охватывающие в основном Волжско-Окское междуречье (Замосковский край), — районы, где господствовало феодальное поместно-вотчинное землевладение; 2) северные и северо-восточные земли (Поморье и Заволжские города) — районы по преимуществу свободного черносошного землевладения. И если первые районы выступают перед нами в конце XV — середине XVI в. как области богатого и быстрорастущего сельскохозяйственного производства (причем производства сугубо феодального), с одной стороны, и высокоразвитого городского ремесла, — с другой, то русский Север — богатейшая промысловая база для всей внешней и внутренней политики России — можно характеризовать как район «великих» промыслов и свободного посадско-крестьянского предпринимательства (уже раннебуржуазного типа). Если же к этому добавить, что с середины XVI в. через Поморье (по реке Северной Двине и далее по Северному морю) осуществлялась морская торговля России с Англией и Голландией, а через их посредничество и с другими европейскими странами, то роль Северного края в экономической жизни России XVI в. выступит еще более рельефно. Ведь не случайно такой крупнейший знаток Московской Руси, как С. Ф. Платонов, в свое время писал, что в середине XVI в. «вся страна» в сношениях своих с Западной Европой «обратилась, так сказать, лицом к северу».⁴⁰ Именно в этот период русский Север из глухой окраины государства превращается в одну из самых оживленных его областей.

Вот мы и попытались на примере развития русского северного города проследить те социально-экономические тенденции его развития, которые в конечном счете определяли его общенациональные судьбы и место в истории России. При этом мы

⁴⁰ С. Ф. Платонов. Проблема русского севера в новейшей историографии (доклад на Russische Historiker Woche в Берлине 11 июля 1928 г.). ЛЗАР, вып. XXXV, Л., 1929, стр. 112—113.

прибегли к несколько необычному приему: попробовали дать на базе писцовых книг, земских разрубов, платежниц и особенно дошедших до нас частных актов, исходящих из рук горожан и крестьян (Поморье XVI в. — единственный район России, по которому сохранилась подробная документация),⁴¹ не только, как бы сказать, социальный разрез поморского города середины или конца XVI в., но и конкретно проследить судьбы отдельных наиболее богатых его горожан (промышленников и торговых мужиков) как до их переселения в город, так и после, уже в период их городской промышленной и торговой деятельности, начиная с XVI и вплоть до середины XVIII в., и установить, по какому пути они шли — пути феодализации или обуржуазивания и превращения из бывших крестьян в купцов и промышленников нового, уже капиталистического типа. Сочетание обоих этих приемов (как бы горизонтального и вертикального социального разреза северорусского городского общества) и давало, как нам казалось, возможность ответить на вопрос, как и куда развивался русский город черносозных (а следовательно, некрепостнических) областей России XVI в. И вывод, к которому мы пришли, был для нас несколько неожиданный.

Оказалось, что в черносозных волостях русского Севера условия для развития крестьянской торговли и предпринимательства (промыслов и ремесла) в XVI в. были не только не хуже, чем в здешних городах, но и имели преимущества. Главным из них была большая независимость черносозного волостного крестьянства от феодального государства, чем горожанина, который на протяжении всего XVI в. буквально задыхался от налогового пресса и государственных поборов.

Тенденции же социального развития были таковы. В начале и в середине XVI в. социальное расслоение в черносозных волостях и особенно в городах Поморья было настолько значительно, что уже можно говорить о зарождении здесь раннебуржуазных связей. Связи эти были еще очень слабы и опутаны феодальными институтами, но все же явно наблюдалось складывание двух основных экономических предпосылок первоначального накопления: образование торговых капиталов и рынка наемной (свободной или полусвободной — последнее более характерно для России XVI в.) рабочей силы — «казаков», «трудников», «пешек» (так назывались на севере безземельные волощане) и иных «работных людей». Именно они паряду с городской беднотой обслуживали промыслы, в первую очередь солеварни.⁴²

Удалось установить наличие не только в таких больших северных городах России, как Холмогоры (которые, как мы уже

⁴¹ Основной район нашего исследования — Двинская и Важская земли — экономический центр Поморья XVI в.

⁴² Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, стр. 240—283.

отмечали, Флетчер относил к 16 крупнейшим русским городам второй половины XVI в.), Великий Устюг, Шенкурск, Соль Вычегодская, но и малых городах, связанных с солеварением, весьма крупных куниц и промышленников, играющих главенствующую экономическую и политическую роль и в самих этих городах, и в ближайшей им сельской округе. В их руках было сосредоточено и городское земское самоуправление.

Среди таких промышленников и купцов, помимо Строгановых (тоже выходцев из двинского крестьянства), монополизировавших всю сольвычегодскую соляную промышленность, а также захвативших наиболее доходные области уральской и сибирской меховой торговли, можно назвать особенно много холмогорцев, шенкурцев и устюжан. Такие же явления имели место, но преимущественно уже во второй половине XVI—начале XVII в. и в других городах Приуралья и Прикамья.⁴³ Не случайно поэтому,

⁴³ Эти выводы в своей совокупности полностью согласуются с исследованиями по отдельным районам Поморья и Приуралья XVI—начала XVII в., проведенными в свое время М. М. Богословским, а позднее — в советской историографии — С. В. Бахрушиным, А. А. Введенским, А. А. Савичем, В. Г. Гейманом, Н. В. Устюговым, А. П. Пьянковым, В. А. Александровым, Р. Б. Мюллер, А. И. Копаневым, А. А. Преображенским, А. И. Мерзон, Ю. А. Тихоновым, Т. В. Старостиной. Более развернутое рассмотрение указанных проблем, а также обзор работ названных авторов даются в разделе нашей монографии, посвященном изучению социально-экономических предпосылок земской реформы Ивана IV (П. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, гл. III). Из работ, вышедших в последнее время, нам хочется обратить внимание читателя на две очень важные публикации по русскому Северу XVI в., дающие исключительно наглядное представление о социальной дифференциации среди черносопного крестьянства и посажан Двинского края в середине века. Мы имеем в виду публикации А. И. Копанева: 1) Куростровские столбцы XVI в. Материалы по истории европейского Севера СССР, вып. I. Вологда, 1970; 2) Платежная книга Двинского уезда 1560 г. Сб. «Аграрная история европейского Севера СССР», вып. III. Вологда, 1970. К изданиям А. И. Копанева примыкает и весьма ценная статья Ю. С. Васильева «Кодомская волость Важского уезда в середине XVI в.» (Материалы по истории европейского Севера СССР, вып. I), а также проведенный автором обзор Важских писцовых книг и сотниц XVI—XVII вв. (Сб. «Аграрная история европейского Севера СССР», вып. III). Наконец, следует отметить статью С. М. Троицкого «Николай Владимирович Устюгов как историк европейского Севера СССР» (там же), в которой дается общий обзор новейшей советской историографии по вопросу о зарождении раннебуржуазных связей на русском Севере XVI—XVII вв. И последнее. Указанная проблема является одной из наиболее дискуссионных в советской и зарубежной историографии по истории России XVI—XVII вв. Против даваемой нами оценки социально-экономической истории России XVI в., как известно, выступили и выступают некоторые ведущие советские ученые (например, В. К. Яцунский, Е. И. Заозерская, Н. И. Павленко, А. Г. Маньков, И. Д. Ковальченко, А. М. Сахаров), но разбор указанной дискуссии требует специальной статьи. Цель же настоящего очерка лишь наметить общую постановку этой проблемы применительно к истории русского города и русского купечества XVI в. Основной вопрос, который нас интересовал, — выяснение

что как раз из этой нарождающейся северной буржуазии и была сформирована первая в России торговая делегация русских купцов в Англию, отправившаяся туда из Холмогор в 1556 г. вместе с Ченслером на английских судах (возглавлял посольство воложанин Осип Пепея, а среди купцов поехали «лучшие двинские люди и холмогорцы» Михаил Косицын и Феофан Макаров «с товарищами»).

Наконец, именно из числа этих северных горожан (купцов и промышленников) набирают правительства Ивана IV и царя Федора торговых людей для московской Устюжской сотни, а наиболее богатых включают и сразу в число московских «гостей». Среди таких «московских сведенцев» мы находим, например, но двинским городам представителей семей Кобелевых (с конца XVI в. переехавших в Вологду), Кологривовых, Юрьевых, Бачуряных, Поповых, среди устюжан — Босых, Грудцких, Губных и многих других.

Но самое показательное, что если многие поморские «сведенцы» конца XVI в., ставшие московскими торговыми людьми, в дальнейшем разоряются (не всем пошла вырок столичная жизнь), то, наоборот, представители семей, оставшиеся на местах, при своих промыслах и факториях, значительно чаще выбиваются в XVII—XVIII вв. в крупных промышленников и купцов, ведущих активную внутреннюю и внешнюю торговлю, а главное — владеющих многими промышленными заводами не только в Архангельске, Холмогорах или на Урале, но даже в Москве, а в XVIII в. и Петербурге. Так, Кобелевы, как и Строгановы, становятся в XVIII в. владельцами уральских металлургических заводов; Поповы, Дудины, Басины, Савины, Шуйгины, Звягины — крупнейшими архангелогородскими промышленниками и купцами; Баженовы, Амосовы, Бармины — одновременно еще и судозаводчиками и т. д.

Все это говорит о том, что перед нами процесс зарождения городской буржуазии. И начался этот процесс во всяком случае в наиболее развитых городах русского Севера еще в XVI в.

И еще один пример, наглядно показывающий пагубное влияние новых феодально-крепостнических порядков, учреждаемых в русских городах в период и после опричных реформ Ивана IV и в той или иной степени коснувшихся даже Поморья.

Так, в 1587 г. в устье Двины был поставлен по царскому приказу «новый город» — Архангельск. По замыслу правительства он должен был стать первыми морскими воротами России, главным перевалочным центром в ее торговле с английскими и гол-

соотношения между экономическими тенденциями и самодержавно-крепостнической политикой Ивана IV, поскольку именно этот аспект проблемы, как нам кажется, наиболее слабо (а главное, в ином плане, чем предлагаем мы) затрагивался в предшествующей историографии.

ландскими купцами, поэтому и было приказано переселить в Архангельск двинских «торговых людей», которым «жить на посаде» и в «новом городе торговати». Согласно этому предписанию в Архангельск было в 1587 г. переселено 26 купеческих «товариществ» (= «складничеств»): 6 — из двинских городов, в основном из Хоймогор, 20 — из черных волостей. И что же произошло? Оказалось, что жизнь в новом городе при новых казенных порядках отнюдь не принесла большинству из них ожидаемых успехов. Во всяком случае из 133 испомещенцев 1587 г. к 1596 г. в Архангельске осталось всего 96, а в 1605 г. — лишь 30, остальные же, помимо умерших, не выпеса посадского ярма и «великих поборов», захудали и разбрелись по старым местам. Одни просто сбегали, другие поступали хитрее, «оболгав», сказали, что «одолжали и осиротели», и их было «от посаду велено отставить», хотя позднее оказалось, что «они де люди прожиточные»; ну, а третьи (видимо, особо богатые) ухитрялись «всякие подати» платить с архангелогородцами, но жить все-таки «по посадам и по деревням в старых своих дворах, верст за сто и за полтораста» от Архангельска.⁴⁴

Разве это не свидетельство того, что для накопления торгового и промышленных капиталов жизнь на новых «государевых посадах» XVI в. была нередко менее благоприятна, чем жизнь в черных волостях? Уже одно это говорит о том, что широкий и быстрый подъем торговой и промышленной деятельности городского населения в первой половине и середине XVI в. (до опричнины) отнюдь не результат искусственного взращивания торговли и ремесла самим же правительством и феодалами (в первую очередь для своих нужд), как это иногда изображается исследователями, отрицающими возможность зарождения буржуазных отношений в русском городе XVI в.

Насколько широко указанные явления охватили русские города XVI в., пока еще сказать трудно. Это требует специального изучения. Но даже сейчас имеющиеся в нашем распоряжении данные дают основание предполагать, что это далеко не только специфика русского черпосопного Севера. Во всяком случае уже из названных исследований С. В. Бахрушина и К. Н. Сербиной видно широкое возникновение в центральных районах России XVI в., особенно в районах, находившихся вблизи торговых путей, крупных торговых сел, рядков, торжков и ремесленных слобод, которые нередко были больше и богаче, чем городские посады многих провинциальных городов (в своей основе этот процесс в какой-то степени напоминает подобные же явления в экономике Англии и скандинавских стран XV—XVI вв.).⁴⁵

⁴⁴ В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792, стр. 162—165.

⁴⁵ Интересный материал по этому вопросу приводится в известном исследовании Д. П. Маковского «Развитие товарно-денежных отношений

В дальнейшем, уже в XVII в., ряд из этих торговых сел действительно становится узаконенными «государевыми посадами». Так, экономические потребности развития страны как бы снизу прорывали те препоны, которые ставило на их пути феодально-крепостническое государство и верный страж его интересов — российское самодержавие. Крестьянскую Русь хотели заставить быть только «деревенской» и только «феодальной», но она отнюдь не хотела этого, и наглядный пример тому великая крестьянская война начала XVII в. — война в огне которой и русский холоп, и крестьянин, и горожанин боролись за общие цели: упразднение феодально-крепостнических порядков и в деревне, и в городе. И не их вина, а их беда, что силы феодальной реакции и на этот раз оказались сильнее.

в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке» (Смоленск, 1963). Эта работа вызвала очень горячую дискуссию в советской историографии, к сожалению, не всегда носившую объективный научный характер, в то же время, несмотря на спорность и еще недостаточную аргументацию многих положений автора, основной его вывод — в XVI в. общевропейские процессы (зарождение буржуазных отношений) затронули и территорию России, где как раз в этот период возникают первые «зачатки» капиталистического уклада в ее феодальном хозяйстве, — представляется нам заслуживающим самого пристального внимания. И именно это отмечается в предисловии к книге одним из крупнейших советских историков-экономистов С. Г. Струмилиным (там же, стр. I—IV). Нам кажется, что мнение С. Г. Струмилина в своей основе вполне обосновано. А главное, уже давно пора перейти от теоретических дискуссий к комплексным исследованиям экономики России XVI в. Как образец следует назвать большой коллективный труд «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в.» (Л., 1971), подготовленный под руководством А. Л. Шалыго. Авторами этого труда были подвергнуты сплошной статистической обработке данные писцовых книг о 61 333 крестьянских хозяйствах (= «дворах»), в которых проживала 79 121 крестьянская семья. Это более 60% населения Новгородской земли (включая Поморье) в начале XVI в. Выводы, к которым они пришли, следующие: «В конце XV в. явно определились два пути развития феодального сельского хозяйства. Первый путь — путь без помещика (или частного вотчинника), без крепостного права... Этот путь способствовал развитию крестьянской хозяйственной инициативы, развитию денежного крестьянского хозяйства, развитию расслоения крестьян. В перспективе он несомненно должен был привести к более быстрому переходу к капитализму». «Другой путь означал укрепление и расширение помещного и вотчинного землевладения..., увеличение уровня эксплуатации и связанного с ним закрепощения. Этот путь неминуемо приводил к сковыванию хозяйственной инициативы производителя, развитию барщины, задержке темпов экономического развития» (стр. 372. Разрядка паша, — Н. Н.). Если такое положение было в деревне начала XVI в., то в городе указанная борьба двух тенденций (буржуазной и феодально-крепостнической) проявлялась естественно еще сильнее. Изучение ее — одна из очередных задач советской исторической науки.